Эндрю Слоин

(Нью-Йорк, США)

Городской университет Нью-Йорка, Барух-колледж, исторический факультет

PhD, доцент исторического факультета E-mail: andrew.sloin@baruch.cuny.edu

ORCID: 0000-0003-0967-5816

«Кто фашист?» Евреи, нацисты и сталинский антифашизм

Аннотация: Борьба против мирового фашизма была лейтмотивом политики Советского Союза и Коминтерна во время сталинской «революции сверху» и в начале 1930-х гг. Но в то время, как советские руководители и политики выступали против нацистов и фашистов за рубежом, антифашистские дискурсы, циркулировавшие внутри Советского Союза, демонстрировали противоречивые и двойственные представления о внутренних врагах, обвиняемых в сотрудничестве с мировым фашизмом. Данная статья рассматривает одно из наиболее противоречивых проявлений советской антифашистской политики – риторические и визуальные изображения евреев – сообщников фашистов в советской идишской и русской прессе, выходившей в Москве и Минске на протяжении 1930-х гг. Автор анализирует то, как описания мнимых евреев-фашистов, создаваемые преимущественно еврейскими публицистами и художниками в идишской печати в течение 1930-х гг. служили тому, чтобы представить небольшевистские «традиционные» еврейские группы, включая религиозных евреев, сионистов и классовых врагов - капиталистов, как неисправимых смертельных политических врагов. По мере того, как в годы Большого террора образы евреев – фашистских сообщников проникали в русскоязычную прессу, упор делался на предполагаемое сотрудничество с нацистами большевиков-евреев, прежде всего, Льва Троцкого и троцкистов. Большевики-евреи изображались все более звероподобными и демоническими, и эти карикатуры не только подчеркивали политическую ненадежность евреев во всех политических течениях, но и служили тому, чтобы представить врагов-евреев по своей сути, по своей природе, биологически чуждыми советскому обществу.

Ключевые слова: история евреев в СССР, фашизм, антифашизм, сталинизм, Большой террор

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.06

В июле 1933 г., спустя пять месяцев после назначения Адольфа Гитлера канцлером Германии, советский журнал на идише «Дер апикойрес» обрушился на общественные группы, которые якобы вступили в сго-

вор, дабы привести фашизм к власти. Статья, написанная бывшим полемистом Евсекции Фроимом Шпрахом, начиналась с изложения господствующей советской концепции фашизма, сформулированной в 1928 г. Коминтерном. Фашизм, утверждал Шпрах, это форма контрреволюционной диктатуры, укорененная в демагогическом антисемитизме, частичном наступлении на ростовщический капитал и жгучей ненависти к парламентской болтовне (плойдермил). В сущности, фашизм – это особая политическая форма, порожденная находящимся в кризисе капитализмом. Мировая буржуазия, будучи неспособна выкарабкаться из затянувшегося кризиса Великой депрессии и опасаясь нарастающей волны революционного коммунизма, встала под знамена фашизма и объединила под ними мелкую буржуазию и «деклассированный пролетариат» с тем, чтобы защитить свои классовые интересы и свою власть, разрушить «коммунистическую часть пролетариата», а главное – уничтожить центр мировой революции – ратнфарбанд, или Советский Союз. Шпрах утверждал, что Гитлер завоевал «доверие и надежды буржуазии всех народов и всех стран»: она увидела в нем политика, выражающего ее классовые интересы [Шпрах 1933а, 12].

Шпрах писал для «Дер апикойрес», идишского органа Союза воинствующих безбожников, и поэтому неудивительно, что он сосредоточился на привлекательности фашизма для одной конкретной «народности» – евреев. Основываясь на сведениях из мировой еврейской прессы (палестинской «Гаарец», мюнхенской «Дер идишер цайтунг», варшавской ортодоксальной газеты «Дер момент» и «меньшевистско-бундистской пачки писем» нью-йоркских «социал-фашистов» – «Дер форвертс»), Шпрах обрушился с яростной критикой на мнимое еврейское бездействие перед лицом гитлеровской угрозы. Он утверждал, что обеспокоенность нацистским антисемитизмом, в частности, по словам «Гаарец», «небольшими погромами, которые устраивают хулиганы из числа гитлеровцев», чисто демагогическая, а на самом деле еврейские «буржуазные» идеологи демонстрируют молчаливую, а порой и открытую поддержку гитлеровскому режиму, усматривая в нем защиту от коммунизма. «Гаарец», например, с радостью отмечала тот факт, что, столкнувшись с двумя крайностями – «гитлеризмом и коммунизмом», «немецкий народ выбрал гитлеризм» [Там же]. Редакционная статья в «Дер момент» оправдывала выбор в пользу нацистов тем, что они разрешают отправление религиозных обрядов в отличие от «марксизма, стремящегося уничтожить религию» [Там же, 13]. Повсюду в обществе, твердил Шпрах, еврейские голоса стремятся обелить гитлеровский «животный» и «инквизиторский антисемитизм», еврейская пресса убеждает своих читателей в том, что, придя к власти, гитлеризм умерит свои аппетиты, и осуждает протесты и бойкоты, ведь, несмотря на все дурные предчувствия, наша религия, по словам Союза раввинов Германии, «учит нас служить государству верой и правдой» [Там же, 12]. Неизбежно преследуя свои классовые интересы, утверждал Шпрах, мировая еврейская буржуазия пусть неохотно, но приняла гитлеризм как предпочтительную альтернативу антикапиталистической революции и большевизму.

Статья Шпраха была одним из первых залпов в массированной атаке на фашизм, которую в 1930-е гг. повела советская (а также мировая идишская) пресса. В настоящей статье я сосредоточусь на одном из наиболее дискуссионных аспектов этой кампании – на образе еврея как сообщника, занимающем важное место в риторических и визуальных изображениях фашизма. Прежде всего, подобные изображения ставили под сомнение политическую надежность евреев перед лицом растущей фашистской угрозы. Менее очевидный и более интересный их смысл в том, что они демонстрировали динамику советских представлений о национальности, по словам Эрика Вайца – тенденцию «дрейфовать от национальности к расе» [Weitz 2002, 5]¹. Репрезентации еврея как фашистского сообщника – особенно при заимствовании этих образов из идишской прессы в русскую – выявляли глубокие сомнения в возможности ассимиляции евреев по причине их врожденной этнической инаковости, все более приближающейся к пониманию в расовом смысле.

В то же время подобные репрезентации наглядно показали проблемную двойственность советского антифашизма как политического дискурса. Как будто бы сражаясь с фашистской угрозой из-за рубежа, советская антифашистская кампания на деле стремительно превращалась в основное (через единение перед лицом внешней угрозы) оправдание беспрецедентного всплеска государственного принуждения и насилия в форме Большого террора². Заключительная часть этой статьи указывает (хотя и кратко) на ряд серьезных трений, возникающих из-за риторической вездесущности «эссенциализированного» еврея-фашиста в том накаленном политическом климате, где этничность и политические уклоны все более увязывались друг с другом. В частности, эта часть призвана затронуть вопросы, возникающие при сопоставлении визуальных образов еврея — фашистского сообщника в печатных материалах с ар-

¹ См. также критические реплики Амира Вайнера, Франсин Хирш и Алайны Лемон [Slavic Review 2002] на статью Вайца.

² Обвинение в сговоре с фашистами нередко звучало на сталинских показательных процессах, однако историки по понятным причинам часто игнорируют его как избыточную вишенку, венчающую многослойный торт ложных обвинений против мнимых изменников родины. Приведу лишь один важный пример. Игаль Халфин, убедительно анализируя политический язык Большого террора, крайне мало внимания уделяет заявлениям о фашистском заговоре, звучавшим на московских процессах; их Халфин несколько раз упоминает вскользь, при этом подчеркивает серьезность нападок на троцкизм и левую оппозицию как воплощение всего мирового зла и центральное место этих нападок в политическом языке сталинизма [Halfin 2003, 35–37].

хивными свидетельствами об этническом измерении Большого террора в Белоруссии и Украине. В этом контексте видно, что повсеместное использование образа еврея в советском антифашистском дискурсе могло служить двум целям: отвлекать внимание от гораздо более масштабного этнического насилия в рамках Большого террора, направленного на нееврейские национальные группы, и в то же время создавать представление о неспособности евреев к ассимиляции и о еврейской опасности, которые подпитывали бы подлинное фашистское насилие.

Представления о еврейско-фашистском заговоре

Спекуляции о сотрудничестве фашистов с евреями, выступающими в качестве или спонсоров, или негласных политических сторонников, попутчиков в деле борьбы с Советами, или активных членов фашистских движений, появились задолго до прихода Гитлера к власти. Подобные обвинения впервые зазвучали как отдельная тема в советских антисионистских брошюрах на идише с начала 1920-х гг. Большевики-идишисты использовали обвинение в фашизме для нападок на политику крайне правых сионистских деятелей, прежде всего – на яростный антикоммунизм и антиарабизм ревизионистского сионизма Зеэва Жаботинского, на «еврейских фашистов» в Палестине, проводивших жесткую лингвистическую и культурную политику и запрещавших использование идиша в ишуве. Такого рода обвинения становились также ответом на случаи сионистской агрессии против арабских и еврейских рабочих и социалистов в Палестине³. Иными словами, полемисты нападали на конкретные политические группы, их идеологические позиции и действия.

За разразившимся в 1929 г. мировым кризисом последовал всплеск популярности национал-социалистов в Германии, а возвышение Гитлера вызвало в начале 1930-х гг. новую волну антифашистской полемики и сатиры⁴. Антифашистский дискурс 1930-х гг. принял новую, более по-

³ Самые ранние обнаруженные мной примеры подобных инвектив против «еврейских фашистов» в Палестине и сионистов-ревизионистов относятся к 1925—1926 гг., что совпадает по времени с первыми массовыми репрессиями против сионистских организаций, действующих в Советской Белоруссии и Украине. См., например, критику «ивритского фашизма» и языковой политики в [Хадад 1925, 49–50]. См. также общую критику ревизионистского сионизма и Жаботинского у вышеупомянутого Фроима Шпраха [Шпрах 1926, 53–58]. При этом определение сионизма, даже самого праворадикального, в категориях и терминах фашизма отнюдь не было общепринятым в этот период, что следует, например, из отсутствия фашизма как аналитической категории в полемике против «еврейской контрреволюции» в [Чемирский 1926].

⁴ См., например, Сударский 1932; Дунец 1932; Шпрах 1933b. В дополнение к многочисленным полемическим изданиям на идише в Советском Союзе в те же годы

пулистскую форму, в дополнение к полемическим статьям используя визуальные репрезентации различных «типов» воображаемых евреев-коллаборационистов, сообщников фашистов. Эти изображения появлялись на страницах сатирических изданий, включая московский «Дер апикойрес», недолговечный белорусский «Дер кригишер апикойрес», орган воинствующих безбожников в Минске, и, наконец, русскоязычный сатирический журнал «Крокодил». Именно благодаря этим изданиям, выходившим массовыми тиражами, образ евреев как фашистских сообщников за пределами СССР, а все чаще и как внутренней «пятой колонны» распространился повсеместно.

Визуальные репрезентации предполагаемого еврейско-фашистского заговора, как правило, в общем и целом следовали логике статей Фроима Шпраха [Шпрах 1933а; 1933b]. Прообразом их послужила опубликованная в «Дер апикойрес» в мае 1931 г. политическая карикатура «Дер бунд цвишн ров, фашист, ун капиталист» (Союз между раввином, фашистом и капиталистом) (рис. 1). На этой карикатуре в центре изображен одетый в военную форму некий фашистский лидер, справа от него – дород-

ный капиталист, слева – не менее дородный раввин. Все поднимают бокалы с шампанским, кроме того, их объединяет свастика, на которой они стоят⁵. Свастика служит также орудием политического подавления рабочих, уложенных рядком под ногами правящей тройки. Нехитрая задача этой карикатуры – обличить конечную цель союза буржуазии и фашизм: подавить революционный пролетариат и установить нерушимое господство своего класса. За исключением бороды и слегка удлиненного носа раввин – с золотой цепочкой на выступающем брюшке – оказывается практически отражением капиталиста, и в этом, конечно, намек на их классовое родство:

Рис. 1. «Дер бунд цвишн ров, фашист, ун капиталист». Дер апикойрес. № 3. Май 1931. С. 7

наблюдался всплеск антифашистских полемических публикаций на идише в Польше – их готовили идишеязычные польские коммунисты и «попутчики». ⁵ Центральный персонаж, хотя и не подписан, является, по-видимому, стилизо-

ванным изображением Юзефа Пилсудского, которого советская идишская пресса не раз называла фашистом, польским вариантом Муссолини.

буржуа и его «идеолог» – оба могли бы быть и во всех смыслах являются евреями.

Союз капитала и клерикализма стал одним из регулярных мотивов идишской антифашистской карикатуры, но были и другие, связанные с контрреволюционной и антисоветской политикой. Разрабатывая эту тему (к которой я вернусь далее), художник Арон Гефтер соединил антитроцкистский и антифашистский дискурсы, изобразив счастливых жениха и невесту – Адольфа Гитлера и Льва Троцкого, идущих навстречу своему семейному счастью (рис. 2). Перед ними шагает Карл Каутский – ведущий немецкий социал-демократ и «отец» невесты, выкрикивая: Ди мезинке ойсгегебн! Ди мезинке ойсгегебн! («Младшая дочь выдана замуж! Младшая дочь выдана замуж!»). Брак здесь олицетворяет союз между гитлеризмом и изгнанником Троцким. Изгой Троцкий – еврей-меньшевик, ставший большевиком, а затем предателем-антисоветчиком, – теперь отдался гитлеризму – об этом свидетельствуют его антисталинские послания, отправленные из изгнания. По этому порочному пути его ведет одряхлевший Каутский, чей яростный антибольшевизм сделал его первоочередной мишенью для нападок на социал-демократов как «социал-фашистов» и партнеров национал-социалистов. В другой вариации на тему этого нечестивого союза, принадлежащей перу того же Гефтера (рис. 3), еврейский буржуа шагает в ногу с воинственным буржуазным

Рис. 2. «Ди мезинке ойсгегебн». Дер апикойрес. № 2. Февраль 1932. С. 9

Рис. 3. «Интервенциэ». Дер апикойрес. № 8. Август 1932. С. 1

«социал-фашистом» (слева от него) и гитлероподобным нацистом (справа) под знаменем с надписью «Интервенция», обозначающим военную интервенцию против Советского Союза.

Третий распространенный сюжет в антифашистской визуальной пропаганде на еврейском языке возвращает нас к нападкам на сионистов как на попрошаек у фашистов и их агентов (рис. 4). На этой карикатуре сионист во фраке, типичный буржуа по своей фигуре и выбору одежды (этот образ слегка напоминает Хаима Вайцмана) прикрепляет звезду Давида на грудь самодовольному нацисту, названному в подписи «почетным сионистом» (эрн-циенист), что подчеркивает сходство идеологий.

Эта карикатура появилась в 1933 г., сразу же после Восемнадцатого Всемирного сионистского конгресса в Праге, утвердившего Соглашение о трансфере (или Соглашение Га-авара) между Сионистской федерацией Германии и нацистскими лидерами о вывозе германских евреев в Палестину⁶. Этот рисунок – снова работа Гефтера – порицает сионист-

ское руководство, включая Нахума Соколова, Хаима Арлозорова и Зезва Жаботинского, за его готовность вести переговоры с Гитлером и Муссолини о спасении европейских евреев из когтей фашизма⁷. В то же время изображение сиониста как буржуа в очках, имеющего власть награждать грубоватого, предположительно «рядового», нациста, указывало на идеологическое – если не классовое – сходство между буржуазным политиком и мускулистым штурмовиком.

Инсинуация, будто сионисты стелются перед фашистскими властями, плавно перетекала в более опасное обвинение сионизма в том, что он сам по себе и есть фашизм. Этот тезис в 1920-е гг. был

Рис. 4. «А эрн-циенист» Дер апикойрес. № 6. Ноябрь – декабрь, 1933. С. 10

⁶ О конгрессе см.: [Nicolosia 2008, 97–98].

⁷ Жаботинский, открыто отвергнув Соглашение Га-авара, тем не менее не раз встречался и вел переговоры с Муссолини, что превращало его самого и его молодежное движение Бейтар в частую мишень антифашистской критики. Апологетический разбор Соглашения Га-авара, подчеркивающий его прагматизм, а не сионистско-фашистский заговор, будто бы за ним стоящий, см. в [Eshkoli-Wagman 1999]. Более критический подход к этому соглашению демонстрирует Клаус Полкен [Polkehn 1976].

на вооружении у критиков правого, ревизионистского, сионизма, но со временем различия были отброшены, и отождествление сионизма с фашизмом стало общим местом во всей мировой коммунистической идишской печати. Осенью 1935 гг. недолговечный минский журнал «Дер кригишер апикойрес» без обиняков изображал сходство между двумя движениями с резкостью, оставившей далеко позади карикатуры его московского кузена «Дер апикойрес» (рис. 5). В карикатуре «Дер фашистишер могн-довид» (Фашистская звезда Давида) неизвестный художник, подписавшийся инициалами «П. К.», указывал на тождество сионизма и фашизма. Отказавшись от свойственной более ранним карикатурам конкретики, демонстрирующей различия между политическими течениями, новая, обостренная, визуальная риторика поместила всех сионистов и их сторонников внутрь свастики: это коленопреклоненный еврей, молящий о танках, сионист-нищий, протягивающий яд, бомбу

Рис. 5. Дер фашистишер могн-довид. Кригишер апикойрес. Сентябрь 1935

и мортиру, раввин, держащий Тору и как бы благословляющий ею фашистские деяния, и сионист-поселенец, ведущий огонь из пулемета. Этот рисунок – лишь один из примеров в потоке статей и брошюр, обличающих сионизм за целый ряд «фашистских» преступлений, обвиняющих его в том, что он служит интересам британского и французского империализма, подрывая влияние Советского Союза за границей и при этом осуществляя полную колонизацию Палестины [Розенгойз 1934, 2], проводит фашистскую расовую политику через кампанию сионистского профсоюза за «еврейский

труд», исключающую арабский труд на территории Ишува [Александер 1933б 10–11], и, наконец, стремится захватить власть и достичь военного и финансового господства [Хашин 1933, 7–9].

Ожесточенность этой обличительной стратегии превосходило лишь одно, еще более радикальное, хотя и редкое, обвинение, встречавшееся в идишской прессе: будто фашистский дух пронизывает не только сионизм, но и сам иудаизм и его источник – «еврейского» Бога, Иегову. Так, например, анонимная карикатура из журнала «Дер апикойрес» использует образ циклопа Иеговы, разработанный в советской атеистической карикатуре 1920-х гг. прежде всего художником Дмитрием Моором

(рис. 6) [Weber 1978, 389]⁸. Подпись «Еврейский бог не отстает от крестового похода католического [бога]» намекает на антикоммунистический «крестовый поход», якобы задуманный этим религиозным союзом в «фашистской» Польше. Еврейский бог здесь – немощный старик со свастикой на одежде и патронташем на поясе, он с трудом шагает по пути контрреволюции, но его поддерживают под руки раввин и священник.

Если рассматривать антифашистскую кампанию в идишской прессе в ее целостности, мы увидим, что она вобрала в себя практически все дискурсы о еврейской ненадежности и предательстве, разрозненно циркулировавшие на протяжении 1920-х гг. Так, например, в одной из карикатур в «Кригишер апикойрес» за 1935 г. разные враги – еврейский Бунд, сионист

דער ייִדישער גאָט איז ניט אַפּגעשטאנענ פונעם קאטוילישנ אינעט ״קרייצצוג״

Рис. 6. «Дер идишер гот из нит опгештанен фунем катойлише инем "крайццуг"» Дер апикойрес. № 5. Сентябрь – октябрь 1934. С. 8

Нахум Соколов и хасидский идишский писатель и мыслитель Гилель Цейтлин – объединены в образе своры собак, который нацист-капиталист спускает на Советский Союз (рис. 7). Показательно, что враги советской системы принимают облик животных, что обнаруживает их «звериную» природу. Подобные дегуманизированные изображения фашистов в виде животных в идишской прессе очевидно уступают место изображениям иного рода. По большей части, евреи-фашисты изображаются пусть несимпатичными, но людьми – толстыми, угодливыми, порочными. Религиозность, приверженность отчетливо еврейской политике и неприязненное отношение к ратн-фарбанду превращали этих евреев во врагов. Политика, а не природная сущность делала врагами некоторых евреев. Следуя классическому определению Макса Вебера, мы можем предположить, что здесь речь идет об «этнической» идентичности, где этничность понимается как субъективно принятая форма идентичности, укорененная в культуре [Weber 1978, 389, см. также русский перевод этой работы: Вебер 2016]. В той мере, в какой «культуру» приобретали, ее можно было и преодолеть.

⁸ Об использовании образа циклопа Иеговы в советской атеистической пропаганде, прежде всего в антииудейской политической карикатуре Дмитрия Моора см. [Weinberg 2008, 120–153].

Рис. 7. «Бунд, Соколов, Г. Цейтлин» Кригишер апикойрес. Сентябрь, 1935

И действительно, антифашистские образы появлялись в идишской карикатуре параллельно с другим распространенным образом, указывающим на возможность «преодолеть» приобретенные культурные практики и верования. Такова, например, карикатура 1933 г. (рис. 8), изображающая поколенческий конфликт в связи имянаречением новорожденного. По правую руку от матери с младенцем стоят пожилые, традиционные и, по-видимому, ограниченные и косные евреи, которые настаивают на архаичном имени Янкель, а по левую (конечно же!) –

Рис. 8. «Дер кампф фарн юнгн дор». Дер апикойрес. № 3. Май – июнь 1933, С. 5

Рис. 9. Без названия. Дер апикойрес. № 2. Март – апрель 1935, обложка

юные еврейские пионеры, выдвигающие «приемлемую» альтернативу: Карл (в честь Карла Маркса). Отвергая опыт и традицию старшего поколения, еврейская молодежь теряет не просто свою этническую, но и, что характерно, расовую принадлежность. Внешне эти еврейские пионеры ничем не отличаются от любых других советских пионеров: они изображены даже с носами-пуговками. На аналогично построенной карикатуре 1935 г. (рис. 9) преодолеть свою этничность позволяет евреям участие в разведении свиней в колхозе, но изображенные в правом нижнем углу архаичные евреи остаются привержены Торе, а заодно – торговле и штетлу. И вновь правильные политические взгляды и занятия стирают стигму этноса.

Антифашизм, антитроцкизм и террор

Совсем иную логику идентичности мы увидим, если обратимся к антифашистским карикатурам, печатавшимся в русскоязычной прессе во время Большого террора – в 1936–1938 гг. В отличие от журналов на идише в «Крокодиле» 1930-х гг. полностью отсутствовали изображения сионистов и раввинов как сообщников фашистов. В начале 1930-х русскоязычная советская пресса вообще старательно избегала изображений каких бы то ни было фашистских сторонников и сообщников и их сговоров. Вместо этого художники сосредоточивались на жестокости и зверином обличье самих нацистов – такова, например, карикатура Бо-

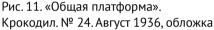
Рис. 10. «Гитлер идет к власти». Крокодил. № 12. Июнь 1932, С. 6

риса Клинча 1932 г. (рис. 10). Здесь будущий фюрер изображен в облике гориллы (впрочем, его ведет за собой некий социал-демократ, что, конечно, не может не напоминать о «социал-фашистах»).

С началом Большого террора и, в частности, московских показательных процессов в 1936 г. в карикатурах «Крокодила» появляется мотив еврейско-фашистского сговора, где евреи – это Лев Троцкий и его еврейские сторонники Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Григорий Сокольников и Карл Радек. Карикатура Константина Ротова, помещенная на обложку журнала, анонсировала первый показательный процесс в августе 1936 г. и утверждала заведомую вину главных заговорщиков: Троцкого (находящегося в изгнании), Зиновьева и Каменева (рис. 11). Этот

вооруженный пистолетами и бомбами триумвират, поставленный на один конец свастики, входит в союз нескольких участников: капиталиста, обутого в высокие сапоги нациста, распыляющего ядовитый газ нацистского солдата в противогазе и бросающего бомбу фашистского головореза, поддерживаемого военным старого режима. Подчеркнутая симметричность свастики будто указывает на равновеликость этих «зол». Аналогичный рисунок русско-еврейского художника Юлия Ганфа, напечатанный во время второго процесса над так называемым антисоветским троцкистским центром в январе 1937 г., изображал судьбу

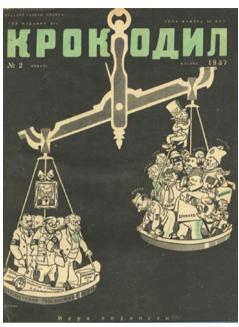

Рис. 12. «Мера подлости». Крокодил. № 2. Январь 1937, обложка

основных обвиняемых: Юрия Пятакова, Карла Радека и Григория Сокольникова (рис. 12). Собранные под портретом Троцкого, они поставлены на одну чашу весов сталинского правосудия, на другой же – всевозможные враги советской власти: Муссолини, Гитлер, генерал Франко, белые генералы Деникин и Врангель и многие другие. При этом антисоветские преступления первых перевешивают злодеяния вторых. У ног обвиняемых троцкистов лежат секретные соглашения с Японией и Германией и ящик с бациллами чумы и тифа, воскрешающий – намеренно или случайно – средневековый образ евреев – разносчиков чумы. Несмотря на демонстрацию виновности троцкистов в антисоветском заговоре, на обеих карикатурах все враги полностью сохраняют свой человеческий облик и их преступность представлена не врожденным дефектом, а результатом их политического выбора – вступить в предательский сговор с фашизмом.

Однако со временем и с усилением террора карикатуры все чаще дегуманизировали главных «заговорщиков», изображая их в облике, указывающем на звериную или демоническую природу. В исполнении еврейских художников, прежде всего, Ганфа и Бориса Ефимова, дегуманизированные образы фашистских сообщников подчеркивали испорченную природу всех заговорщиков – и евреев, и неевреев, уравнивая их в гнусной бесчеловечности. Так, карикатура Ганфа, напечатанная во

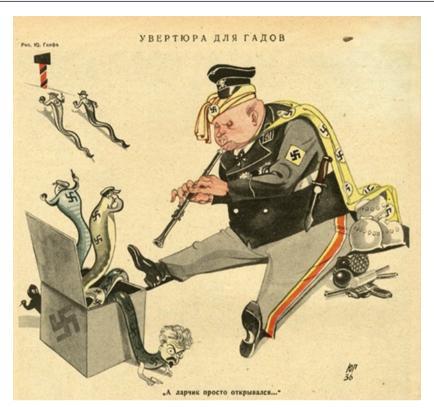

Рис. 13. «А ларчик просто открывался…». Крокодил. № 25. Сентябрь 1936, С. 4

время процесса 1936 г., изображала Троцкого в виде змеи среди других нацистских змей, зачарованных дудочкой факира-нациста, играющего для них «увертюру для гадов» (рис. 13). Еврейский художник Борис Ефимов использовал тот же визуальный прием, чтобы показать, как Троцкий и его сообщники пополняют ряды звероподобных врагов советской власти (рис. 14). На этой печально известной карикатуре Троцкий становится одной из голов нацистской гидры – наряду с неевреями Бухариным и Рыковым, и всех их душит «стальная рукавица» Ежова. На другой карикатуре Ефимов изображает троцкистов как свиней, поглощающих помои из корыта возле сапога нациста (рис. 15). Евреи (Троцкий и Радек) и неевреи (Рыков, Чернов, Бухарин) – все оказываются равными участниками этого явно некошерного обеда⁹.

В работах же группы нееврейских художников – Михаила Куприянова, Порфирия Крылова и Николая Соколова, выступавших под коллектив-

⁹ Все три карикатуры доступны онлайн: http://soviethistory.msu.edu/1936-2/the-great-terror/the-great-terror-images/.

Рис. 14. «Стальные Ежовы рукавицы». Крокодил. № 34. Декабрь 1937, С. 5

ным псевдонимом «Кукрыниксы» 10, – напротив, в изображении нацистского заговора все больше подчеркивалась исключительность Троцкого. Так, карикатура Кукрыниксов, приуроченная к процессу января 1937 г. (рис. 16), изображала гигантского нациста, которого несет в атаку на Советский Союз шайка ухмыляющихся заговорщиков: Радек, Пятаков, Яков Лившиц и Сокольников – все, за исключением Пятакова, евреи. Троцкий же, в отличие от них, изображен как демоническая нацистская собачка – уникальный враг среди других врагов. Даже в человеческом облике Троцкий у Кукрыниксов разительно отличается от других своей демонической сущностью. На известной карикатуре «Гигиена

Рис. 15. Фатерлянд. Известия. 5 марта 1938.

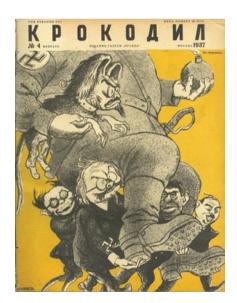

Рис. 16. Карикатура Кукрыниксов. Крокодил. № 4. Февраль 1937, обложка

¹⁰ Члены этой творческой группы – Михаил Васильевич Куприянов, Порфирий Никитич Крылов и Николай Александрович Соколов – работали вместе, подписывались коллективным псевдонимом «Кукрыниксы», образованным сложением первых слогов фамилий Куприянов и Крылов и первым слогом имени и инициальной буквой фамилии Николая Соколова, и отказывались от индивидуального авторства.

Рис. 17. «Гигиена убийцы». Крокодил. № 4. Февраль 1937 , С. 11

убийцы» демонизированный Троцкий вешает свое полотенце на свастику и моет руки в крови, налитой в увенчанный шипом пикельхельм (рис. 17). В этом изображении Троцкого нет, конечно, ничего откровенно еврейского – за исключением намека на кровавый навет. И все же этот рисунок указывает на его врожденную, неотъемлемую и неисправимую инаковость. Фигурировавший во множестве обвинений демонизм политики троцкизма становится неотличим от собственной демонической природы Троцкого. Трудно сказать, каково здесь направление влияния: воздействовала ли личность на политику или политика на личность. Политика и природа слились неразрывно.

Изображения врагов в «Крокодиле» предполагают явную «деградацию», превращение врагов в звероподобных существ (с элементами облика змей, собак, свиней), да и просто в убийц. В отличие от идишской прессы, которая выдвигала на передний план профашистскую политику традиционных евреев, связанных узами национальной культуры, но при этом допускала возможность интеграции в советский коллектив тех евреев, которые выбирали правильные занятия, изображения евреев-врагов в «Крокодиле» демонстрировали более глубокое отличие евреев от прочих советских граждан. Еврейская культура и религиозная практика из этих карикатур исчезли бесследно; в конце концов, на них изображались конкретные враги-евреи, которые давным-давно скинули одежды «архаичной» еврейской культуры, чтобы, как кажется, принять советскую власть. Стремясь пояснить, как такие сознательно деэтнизированные евреи сблизились с фашизмом, карикатуры все откровеннее указывают на то, что порок объясняется самой их природой. Никакая работа в колхозном свиноводстве не поможет восстановить таких людей в рядах советских граждан (их облик, разумеется, человеческий). Таким образом, объяснение отклонения евреев от советской нормы отказалось от представления о приобретенной культуре или этничности в пользу представлений об изначально присущей, эссенциализированной инаковости. По ходу перемещения антифашистских карикатур из идишской прессы в русскоязычную понимание еврейской идентичности тоже менялось – с колебаниями, но в итоге недвусмысленно: идентичность, укорененная в этничности, уступала место идентичности, основанной на сущностной инаковости, то есть расе.

Антифашистские репрезентации и реалии

По мере нарастания Большого террора антифашистская визуальная риторика неразрывно сливалась с политическим языком государственного насилия, направленного на внутренних врагов. Откровенные изображения еврейско-фашистского заговора в идишской прессе пошли на спад к концу 1935 г. хотя бы по той причине, что издания, печатавшие эти карикатуры, закрывались. В то же время прекращение открытых нападок на врагов-евреев было несомненно связано с изменениями в советской политике и политике Коминтерна - с их отказом от конфронтации с «социал-фашистами» в пользу стратегии «Народного фронта», то есть сотрудничества с некоммунистическими левыми партиями¹¹. Тогда же фигура фашистского сообщника-еврея становилась все более популярным образом в карикатурах в русскоязычной советской печати. Излишне говорить, что в ситуации нарастающего сталинского террора параллельные кампании в прессе против фашизма, оппозиций и внутренних врагов были отнюдь не случайным риторическим приемом. Изображение врагов дегенеративными и/или звероподобными существами, несомненно, сыграло свою роль в легитимации массового распространения государственного насилия. Преобладание образов фашистских сообщников-евреев в советской карикатуре, равно как и центральное место, которое занимали враги-евреи в фашистских дискурсах в европейских странах, поднимает ряд ключевых вопросов, прежде всего - о том, до какой степени риторика совпадает с практикой, зафиксированной в архивных источниках. Иными словами, могла ли сфокусированность прессы на евреях – участниках различных фашистских и антисоветских заговоров трансформироваться в реальное насилие и репрессии против евреев в годы Большого террора, особенно на западных приграничных территориях СССР, где концентрация евреев была традиционно высока как среди простого населения, так и в партийных рядах?12

¹¹ Об этой смене курса см. [Graham, Preston 1989, 12–13].

¹² Изложенные далее выводы основаны исключительно на анализе архивных материалов, хранящихся в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме (ЦАИЕН). В этом архиве хранится значительный, хотя, конечно, неполный корпус копий архивных материалов из бывшего СССР.

Архивные материалы отчетливо указывают на то, что каждая еврейская группа, подвергшаяся риторическим нападкам в рамках антифашистской кампании в прессе, стала жертвой реального насилия на территории западных пограничных областей СССР в годы Большого террора. В 1936–1938 гг. НКВД арестовывал бывших и нынешних членов ВКП(б), состоявших ранее в «бунде» или участвовавших в социалистическом сионистском движении «Поалей Цион», включая (среди многих других) бывших бундовцев, а затем активистов Евсекции Самуила Агурского [ЦАИЕН. НМЗ 1648.06, подлинник: НАРБ. Ф. 4-Р, оп. 21, д. 1140], Эстер Фрумкину, Рахмиела Вайнштейна и Хаскеля Дунца [ЦАИЕН RU 1704.00. Л. 35–36], а также бывшего члена «Поалей Цион», а на момент ареста – председателя Госплана РСФСР – Сергея Карпа [ЦАИЕН НМЗ 1647.53; ЦАИ-ЕН НМЗ 1648.01] и, по-видимому, всех бывших бундовцев или членов «Поалей Цион», бежавших в страну победившего пролетариата из «фашистской» Польши¹³. В ходе другой операции арестовали бывших членов сионистского движения «Гехалуц» в БССР [ЦАИЕН НМЗ 1647.52]. Кроме того, НКВД арестовал крупных идишских писателей, среди которых Изи Харик и Моше Кульбак, обвиненные в шпионаже в пользу фашистской Германии и Польши, а также в причастности к фашистско-троцкистской террористической ячейке¹⁴. В Белоруссии НКВД также провел массовые аресты членов Белорусской академии наук, которую считали главным гнездом троцкистов и фашистов. В ходе этой операции наряду с ведущими учеными-белорусами в тюрьму попали и многочисленные научные сотрудники-евреи, обвиненные в участии в фашистском и троцкистском заговоре и в шпионаже в пользу фашистской Польши [ЦАИЕН НМЗ 1648.38]. По мрачной иронии судьбы, среди арестованных по обвинению в троцкистско-фашистском заговоре был и зачинщик антифашистской кампании в еврейской прессе Фроим Шпрах¹⁵.

Помимо этого наступления на верхний эшелон еврейской интеллигенции – видных интеллектуалов и художников – репрессиям подверглись и отдельные «рядовые» евреи в Белоруссии и Украине. Их обвиняли в агентурной работе на антисоветские силы, чаще всего считая троцкистами и бундовцами, в саботаже, вредительстве, агитации и шпионаже в пользу фашистской Германии и Польши.

Секретный отчет НКВД в июне 1938 г., подытоживая события прошедшего года, сообщал о сопровождавшемся массовыми арестами раскрытии чрезвычайно обширной и разветвленной сети фашистов-троцкистов

¹³ Неполные списки, составленные в 1936 г. и содержащие фамилии около 150 беженцев из этой категории, см.: [ЦАИЕН НМЗ 1647.51].

¹⁴ Отчеты об арестах этой «фашистской ячейки» писателей, действовавших также в еврейских театрах Белоруссии, см.: [ЦАИЕН RU 1712.00; ЦАИЕН НМЗ 1648.29].

¹⁵ Об аресте Шпраха см.: [ЦАИЕН RU 1704.00, l. 35].

и шпионов, затронувшей все уровни политической и экономической жизни в БССР¹⁶. Следуя известным закономерностям, проявившимся по всему Советскому Союзу, отчет НКВД кое-где обнаруживает явную антибюрократическую тенденцию. Так, обвинения в участии в троцкистско-фашистском заговоре предъявлялись руководителям среднего звена, местному партийному руководству и ответственным работникам в советских учреждениях 17. В рамках этой кампании НКВД арестовал практически все городское руководство в Бобруйске и Орше, ведущих чиновников Минского горсовета, главу Отдела руководящих партийных органов БССР, многочисленных работников Госплана и Наркомфина, а также руководителей многих трестов в химической промышленности, энергетике и транспорте [ЦАИЕН RU 1704.00. Л. 35–37, 40–41, 43–50, 57–62]. В то же время отчет демонстрирует размах репрессий, направленных «сверху вниз» – против рядовых рабочих, якобы состоящих в террористических ячейках, возглавляемых бывшими членами «Бунда»: их в массовом порядке арестовывали в Минске, Витебске, Гомеле, Могилеве и Мозыре [Там же. Л. 35-37]. В отчете нет указаний на национальность арестованных, но, судя по фамилиям, мы можем заключить, что значительный процент жертв террора составляли евреи¹⁸.

Несмотря на то, что списки арестованных в БССР пестрят еврейскими фамилиями, архивные материалы показывают, что в период Большого террора каких-то особенных, систематических репрессий против евреев как группы не было. Отложившиеся в архивах отчеты, отражающие статистику по репрессированным в Белоруссии, указывают скорее на иную тенденцию. Например, секретный отчет НКВД от декабря 1938 г. содержит подробную классификацию 21 407 человек, арестованных по обвинению в шпионаже в пользу Польши в период с августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. Из них 9 196 были по национальности поляками, 10 120 – белорусами и 1 059 – евреями [ЦАИЕН НМЗ 1648.36. «Отчет НКВД о репрессиях, август 1937 – сентябрь 1938»] волее того, в отчете указывается, что большинство этих евреев в недавнем прошлом бежали в Советский Союз из Польши. Учитывая, что евреи и поляки составляли примерно

¹⁶ Полный отчет, пропитанный конспирологической паранойей, см.: [ЦАИЕН RU 1704.00].

 $^{^{17}}$ Направленность террора на бюрократию и управленцев, а также на местное партийное начальство отмечали, в частности, Дж. Арч. Гетти, Роберта Мэннинг и Шейла Фицпатрик. См. их классические исследования [Getty 1985; Getty, Manning 1991; Fitzpatrick 1993; Harris 2000; Goldman 2007].

¹⁸ Разумеется, фамилии не всегда помогают точно определить национальность, однако похоже, что 30–40% из примерно сотни человек, упомянутых в отчете по фамилии, были евреями.

¹⁹ Второй отчет НКВД, содержащий сведения за период с 1 июня по 1 сентября 1938 г., показывает аналогичный национальный состав жертв террора (ЦАИЕН HM3 1648.40).

равные доли в населении БССР (около 8%), евреи были явно «недостаточно представлены» среди жертв террора, в то время как бывшие польские граждане – в соответствии с секретным циркуляром, приказывающим задерживать подозрительных граждан Польши, – напротив, были сверхпредставлены в этих рядах²⁰. И при этом, в отличие от ситуации с нашумевшими вездесущими карикатурами на еврейских пособников фашизма, массовые аресты поляков (и – в меньшей степени – белорусов) проходили практически в тишине, не сопровождаясь какой-либо кампанией в прессе²¹.

Если рассматривать в целом, будет виден резкий контраст между визуальной риторикой периода террора и реальностью этнического и национального насилия. На самом очевидном уровне это сопоставление подчеркивает изначально пропагандистскую задачу визуальной риторики: карикатуры рисовали и публиковали не для того, чтобы отражать «реальность», а скорее для того, чтобы придать событиям общественное значение и обнародовать их. Эти карикатуры могли прочитываться (и, вероятно, прочитывались) по-разному, в зависимости от субъективной позиции читателя. Для еврейских читателей эти дискурсы несли угрожающее сообщение: продолжающие питать тайные симпатии к антисталинской оппозиции могут быть – и будут – заклеймены как враги, у которых вновь на первый план выведен фактор расы. У многих нееврейских читателей подобные изображения, вероятно, подогревали подозрения, что именно еврейская сущность оппозиционеров (хотя и аккультурированных) потянула их во вражеский лагерь, к тому же эти карикатуры подвергали сомнению способность евреев к ассимиляции. Более того, изображение в прессе «эссенциализированных» евреев-фашистов, несомненно, способствовало тому, чтобы перенаправить и погасить недовольство народа, нарастающее в связи с острым экономическим кризисом 1936 г.²². В соответствии с традиционно двусторонним харак-

²⁰ О циркуляре 00485, узаконившем аресты поляков, см. [Petrov, Roginskii 2003]. Обнаруженные нами сверхпредставленность поляков и сравнительная малочисленность евреев среди жертв Большого террора согласуются с наблюдениями других историков, см. [Altshuler 1998, 26–28; Martin 2001, 424–425, а также русский перевод этой работы: Мартин 2011; Slezkine 2004, 273–275, а также русский перевод этой работы: Слезкин 2005].

²¹ Несмотря на то, что для советской прессы начала 1930-х гг., особенно для «Безбожника», характерна отчетливо антикатолическая визуальная риторика, прямых нападок на Польшу или польское меньшинство почти не было. Во время Большого террора подобные карикатуры со страниц советской прессы в основном пропали.

²² Повсеместное народное недовольство общественной и партийной элитой, выраженное в многочисленных обличительных письмах с явным антисемитским душком, которые рабочие писали на протяжении всех 1930-х гг., исследовано в статье Сары Дэвис [Davies 1999]. О росте народного недовольства в этот период,

тером сталинского политического дискурса, визуальные репрезентации демонических евреев-фашистов, по всей видимости, служили тому, чтобы загладить и оправдать кризис, разразившийся посреди социалистического строительства, и в то же время тому, чтобы замаскировать массовое национальное и этническое насилие, развернувшееся в разгар Большого террора. Если учитывать разгоравшуюся в этот момент разнонаправленную ненависть, понятно, что провокационное утверждение Юрия Слезкина, будто насилие было чисто или «исключительно» политическим, лишенным национального или этнического содержания, приемлемо, только если основываться на одних архивных источниках [Slezkine 2004]. Если же рассматривать их параллельно с визуальными репрезентациями врагов, растиражированными в средствах массовой информации, мы увидим, скорее, что в разгар террора политика, национальность и врожденная этничность повсюду смешивались, что приводило к роковым последствиям.

Источники

ЦАИЕН – Центральный архив истории еврейского народа.

ЦАИЕН, Ф. НМЗ. Оп. 1647. Д. 51.

ЦАИЕН, Ф. НМЗ. Оп. 1647. Д. 52. «Аресты членов Гехалуца, 1937».

ЦАИЕН, Ф. НМЗ. Оп. 1647. Д. 53.

ЦАИЕН, Ф. HM3. Oп. 1648. Д. 01.

ЦАИЕН, Ф. НМЗ. Оп. 1648. Д. 06 (Подлинник: Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4-Р. Оп. 21. Д. 1140).

ЦАИЕН, Ф. НМЗ. Оп. 1648. Д. 29.

ЦАИЕН, Ф. НМЗ. Оп. 1648. Д. 38. «Отчет НКВД об АН БССР, июль 1938».

ЦАИЕН RU, Оп. 1704. Д. 00. Л. 35–36. «Отчет НКВД от 6 января 1936 г. о контрреволюционных группах в Белоруссии».

ЦАИЕН RU, Оп. 1704.00. Л. 35.

ЦАИЕН RU, Оп. 1704. Д. 00.

ЦАИЕН RU, Оп. 1704. Д. 00. Л. 35–37, 40–41, 43–50, 57–62.

ЦАИЕН RU, Оп. 1712. Д. 00.

Александер 1933 – *Александер.* Ди беголе ба ди циенистн // Дер апикойрес. № 6. Ноябрь – декабрь 1933. С. 10–11.

вызванного, в частности, отменой карточек на хлеб и ростом цен, см. [Rimmel 1997]. Связь между этим внезапным возрождением критической двойственности в отношении к евреям и экономическими трудностями тех лет, сопряженными с кризисом накануне второй пятилетки, еще нуждается в тщательном исследовании.

- Дунец 1932 *Дунец Х.* Кегн социал-фашистишн Бунд. Минск: Мелухе фарлаг фун Вайсрусланд, 1932. 96 с.
- Розенгойз 1934 *Розенгойз Л.* Дер идишер клерикализм ун ди интервенциэ // Дер кригишер апикойрес. 1934. Март. С. 2.
- Сударский 1932 *Сударский И.* Дер идишер фашизм ун клерикализм: зу динст дем капитал. Харьков-Киев: Укранцминдфарлаг, 1932. 48 с.
- Хадад 1925 Хадад. Дер Ционизм ви эр из. М.: Фарлаг шу лун бух, 1925. 96 с.
- Хашин 1933 *Хашин А.* Дер циенизм ин а бунд мит гитлерн // Дер апикойрес. № 5. Октябрь 1933. С. 7–9.
- Чемириский 1926 *Чемириский А.* Циенистише трайберейен. М.: Шул ун бух, 1926. 80 с.
- Шпрах 1926 *Шпрах Ф.* Ди ционистн: вер зайнен зей ун вос милн зей. Харьков: Штерн-библиотек, 1926. 88 с.
- Шпрах 1933а *Шпрах Ф*. Идише религиэ унд национализм ин динст бам фашизм // Дер Апикойрес. 1933. Июль. №. 4. С. 12–14.
- Шпрах 1933b *Шпрах Ф.* Ди фашистише конттреволюциэ ун ди идише буржуазиэ. М.: Эмес, 1933. 96 с.

Литература

- Вебер 2016 *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 тт. / Сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 448 c.+432 c.+336 c.+544 c.
- Мартин 2011 *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 855 с.
- Слезкин 2005 *Слезкин Ю.* Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 544 с.
- Altshuler 1998 *Altshuler M.* Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem: Ahva Press, 1998. 346 p.
- Davies 1999 *Davies S.* Us Against Them: Social Identity in Soviet Russia, 1934–41 // Stalinism: New Directions / Ed. by Sh. Fitzpatrick. London: Routledge, 1999. P. 47–70.
- Eshkoli-Wagman 1999 *Eshkoli-Wagman H.* Yishuv Zionism: Its Attitudes to Nazism and the Third Reich Reconsidered // Modern Judaism. Vol. 19. No. 1. February, 1999. P. 21–40.
- Fitzpatrick 1993 *Fitzpatrick S.* How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces // Russian Review. Vol. 52. No. 3. 1993. P. 299–320.
- Getty 1985 *Getty J. Arch.* Origins of the Great Purges. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 275 p.

- Getty, Manning 1991 Stalinist Terror: New Perspectives / Ed. by J. Arch. Getty and R. Manning. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 308 p.
- Goldman 2007 *Goldman W.* Terror and Democracy in the Age of Stalin: the Social Dynamics of Repression. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 274 p.
- Graham, Preston 1989 The Popular Front in Europe / Ed. by H. Graham and P. Preston. London: Macmillan Press, 1989. 178 p.
- Halfin 2003 *Halfin I.* Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Harvard: Harvard University Press, 2003. 366 p.
- Harris 2000 *Harris J. R.* The Purging of Local Cliques in the Urals Region, 1936–7 // Stalinism: New Directions / Ed. by Sh. Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 262–285.
- Hirsch 2002 *Hirsch F.* Race Without the Practice of Racial Politics // Slavic Review, Vol. 61, No. 1. 2002, P. 30-43.
- Lemon 2002 *Lemon A.* 2002, Without a 'concept'? Race as a Discursive Practice // Slavic Review, Vol. 61, No. 1, P. 54-61.
- Martin 2001 *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 528 p.
- Nicosia 2008 *Nicosia Fr. R.* Zionism and Anti-Semitism in Nazi Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. xiv+324 p.
- Petrov, Roginskii 2003 *Petrov N., Roginskii A.* The "Polish Operation" of the NKVD, 1937–8 // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. by Barry McLoughlin and Kevin McDermott. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 153–172.
- Polkehn 1976 *Polkehn K.* The Secret Contacts: Zionism and Nazi Germany, 1933–1941 // Journal of Palestine Studies. Vol. 5. 1976. P. 54–82.
- Rimmel 1997 *Rimmel L. A.* Another Kind of Fear: The Kirov Murder and the End of Bread Rationing in Leningrad // Slavic Review. Vol. 56. No. 3. 1997. P. 481–499.
- Slavic Review 2002 Slavic Review, 61 (1), Spring, 2002.
- Slezkine 2004 *Slezkine Yu.* The Jewish Century. Princeton: Princeton University Press, 2004. 456 p.
- Weber 1978 *Weber M.* Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
- Weinberg 2008 *Weinberg R.* Demonizing Judaism in the Soviet Union during the 1920s // Slavic Review. Vol. 67. No. 1. 2008. P. 120–153.
- Weiner 2002 *Weiner A.* Nothing but Certainty // Slavic Review, Vol. 61, No. 1, 2002, P. 44-53.
- Weitz 2002 *Weitz E.* Racial Politics Without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // Slavic Review. Vol. 61, No. 1. 2002. P. 1–29.

"Who is a Fascist?" Jews, Nazis and Stalinist Anti-Fascism

Andrew Sloin

(New York, USA)

The City University of New York, Baruch College, Department of History

PhD, Associate Professor

E-mail: andrew.sloin@baruch.cuny.edu

ORCID: 0000-0003-0967-5816

Abstract: The struggle against global fascism constituted a central thrust of Soviet and Comintern policy throughout the Stalin Revolution and the early 1930s. Yet even as Soviet leaders and policy makers railed against Nazi and Fascist enemies abroad, contemporaneous anti-fascist discourses produced within the Soviet Union revealed highly contradictory and ambivalent depictions of internal enemies who supposedly aligned themselves with the global fascist movement. This article focuses upon one of the most controversial manifestations of Soviet anti-fascist politics through an analysis of visual and rhetorical depictions of alleged Jewish fascists in Soviet Yiddish and Russian publications from Moscow and Minsk during the 1930s. It examines how depictions of alleged Jewish fascist collaborators, produced largely by Jewish actors in Yiddish public discourses during the 1930s, served to re-inscribe "traditional" and non-Bolshevik Jewish groups - including religious Jews, Zionists, and capitalist class enemies - as intractable existential political enemies. As depictions of alleged Jewish fascist collaborators migrated to the Russian press during the Great Terror, they focused with increasing singularity on the alleged fascist collaboration of Jewish Bolsheviks and, above all, Trotskyists. Increasingly bestial and demonic in representation, such images not only highlighted the alleged political unreliability of Jews across the political spectrum, but also served to depict Jewish enemies as being intrinsically, inherently, and biologically outside of the acceptable Soviet body politic.

Keywords: Jewish history in USSR, Fascism, Antifascism, Stalinism, Great Terror

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.06

References

Altshuler, M., 1998, Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem, Ahva Press, 346.

Davies, S., 1999, Us Against Them: Social Identity in Soviet Russia, 1934–41. *Stalinism: New Directions*, ed. Sh. Fitzpatrick, 47–70. London: Routledge, 400.

- Eshkoli-Wagman, H., 1999, Yishuv Zionism: Its Attitudes to Nazism and the Third Reich Reconsidered. *Modern Judaism*, 19(1), 21–40.
- Fitzpatrick, Sh., 1993, How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces. *Russian Review*, 52(3), 299–320.
- Getty, J. Arch., 1985, *Origins of the Great Purges*. Cambridge, Cambridge University Press, 275.
- Getty, J. Arch., and R. Manning, 1991, *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 308.
- Goldman, W., 2007, *Terror and Democracy in the Age of Stalin: the Social Dynamics of Repression.* Cambridge: Cambridge University Press, 274.
- Graham, H., and P. Preston, 1989, *The Popular Front in Europe*. London: Macmillan Press, 178.
- Halfin, I., 2003, *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial.* Harvard: Harvard University Press, 366.
- Harris, J. R., 2000, The Purging of Local Cliques in the Urals Region, 1936–7. *Stalinism: New Directions*, ed. Sh. Fitzpatrick, 262–285, London: Routledge, 400.
- Hirsch, F., 2002, Race Without the Practice of Racial Politics, *Slavic Review*, 61(1), 30-43.
- Lemon, A., 2002, Without a 'concept'? Race as a Discursive Practice, *Slavic Review*, 61(1), 54-61.
- Martin, T., 2001, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union*, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 528.
- Martin, T., 2011, *Imperiia "polozhitel'noi deiatel'nosti"*. *Natsii i natsionalizm v SSSR*, *1923–1939* [Empire of "Positive Action". Nations and Nationalism in USSR 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN, Fond "Prezidentskii centr B. N. El'tsina", 855.
- Nicosia, Fr. R., 2008, *Zionism and Anti-Semitism in Nazi Germany*. Cambridge: Cambridge University Press, xiv+324 p.
- Petrov, N., and A. Roginskii, 2003, The "Polish Operation" of the NKVD, 1937–8. Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union, eds. B. McLoughlin and K. McDermott, 153–172. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 273.
- Polkehn, K., 1976, The Secret Contacts: Zionism and Nazi Germany, 1933–1941. *Journal of Palestine Studies*, 5, 54–82.
- Rimmel, L. A., 1997, Another Kind of Fear: The Kirov Murder and the End of Bread Rationing in Leningrad. *Slavic Review*, 56(3), 481–499.
- Slezkin, Yu., 2005, *Era Merkuriia. Evrei v sovremennom mire* [Era of Mercury. Jews in the Modern World]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 544.
- Slezkine, Yu., 2004, *The Jewish Century*. Princeton: Princeton University Press, 456.
- Weber, M., 1978, *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1469.

Weinberg, R., 2008, Demonizing Judaism in the Soviet Union during the 1920s. *Slavic Review*, 67(1), 120–153.

Weiner, A., 2002, Nothing but Certainty, Slavic Review, 61(1), 44-53.

Weitz, E., 2002, Racial Politics Without the Concept of Race: Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges. *Slavic Review*, 61(1), 1–29.